

Следовало дать более четкое изложение причин греко-персидских войн, коренившихся в агрессивном характере внешней политики персидской державы. Также остаются неясными для учащихся причины Марафонской победы греков, обусловленные более прогрессивным общественно-политическим строем афинского полиса по сравнению с персидской деспотией. Не отмечены преимущества греческого военного строя и военной подготовка воинов. Причина Пелопоннесской войны сведена к торговой конкуренции. О борьбе за политическую гегемонию в Греции между Афинами и Спартой ничего не сказано.

В изложении греческой культуры ценным является привлечение внимания учащихся к изучению народного творчества. В этом отношении интересны приводимые изображения глиняных статуэток, воспроизводящих сцены из народной жизни (стр. 107), упоминание Эзопа как представителя творчества низов. В рецензируемом издании авторы в известной мере отказались от того афиноцентристского освещения греческой культуры, которым отличались первые издания, когда все явления греческой культуры были включены в главу по истории Афинского государства (1951 г.—стр. 156; 1952 — стр. 156). Однако и в третьем издании следовало отметить созидательную роль в развитии культуры не только Афин, но и других греческих полисов. К тому же параграф, излагающий состояние науки в древней Греции, перегружен именами ученых, научные построения которых не всегда могут быть поняты детьми десятилетнего возраста.

О греческой религии рассказывается в учебнике после главы о расцвете афинской демократии, поэтому фраза о том, что в представлении греков боги были подобны аристократам (стр. 112), остается непонятной. Естественнее было религию греков излагать в связи с периодом господства аристократии, когда религия получила свое оформление. Правильнее было изменить последовательность параграфов в главе о культуре и не начинать ее с науки, а прежде всего сказать о языке греков. Желательно было рассмотреть греческую скульптуру не только в связи с религией и олимпийскими играми. Авторы совершенно пренебрегли мифологией. Удивляет также отсутствие сведений о воспитании детей в Спарте и Афинах.

В третьем издании увеличен раздел по истории древнего Рима за счет включения в него главы о германцах (гл. XI, стр. 159—173), которая в первых изданиях была помещена в разделе раннего Средневековья. Более конкретно изложена история периода республики в отличие от других периодов римской истории, но отсутствует характеристика хозяйства времен республики. Поэтому политические события этого времени представлены вне связи их с экономикой. Когда речь идет об упадке мелкого землевладения в половине II в. до н. э., то остается неизвестным, какое место в Италии занимало сельское хозяйство, тем более что ее природным условиям уделено всего три строчки (стр. 125).

Римская империя обрисована слишком общими чертами, без достаточной фактической канвы и почти совсем обезличенно. Из императоров названы только Август и Константин (последний в связи с христианством). Грань между республикой и империей несколько стерта. В описании управления римских провинций соединены черты республиканского и императорского периодов (ограбление Верресом Сицилии, восстание 66 г. н. э. в Иудее). Мы считаем, что основные периоды римской истории следовало бы больше дифференцировать.

Параграф, излагающий хозяйство и культуру Римской империи, перегружен слишком разнородным по своему содержанию материалом. Он охватывает сельское хозяйство, ремесло, пути и средства сообщения, строительство, управление и право, литературу, религию. Следовало выделить отдельно вопросы экономики, связав их с хозяйственной ролью провинций в эпоху империи. Наиболее четко в разделе Рима обрисованы рабство и классовая борьба.

В заключение надо прежде всего отметить, что авторы стоят на правильном пути создания учебника, закладывающего основы материалистического понимания истории. Но несмотря на живую и доступную форму изложения, в целом книга перегружена сложными проблемами для учеников пятого года обучения. Желательно ввести в учеб-

ник больше сведений, доступных и интересных для детей. Недостаточно внимания уделено описаниям природы, быта, мифологии. Особенно следует подчеркнуть, что учебник дает исторический материал вне географических представлений. Изложение не фиксирует внимания учащихся на географических картах и схемах.

Содержание учебника характеризуется определенной воспитательной целеустремленностью и воспитывает у детей чувство протеста против всех видов угнетения человеком человека. Учебник проникнут дружественным отношением к СССР, который «является первой страной, уничтожившей эксплуатацию человека человеком» (стр. 8). В учебнике отмечается, что некоторые территории и пункты Советского Союза связаны с историей древнего мира (Урарту, Самарканд, Хорезм, причерноморские колонии греков); сообщается об археологических открытиях советских ученых (стр. 119).

Специально следует указать на богатый по содержанию и хорошо воспроизведенный иллюстративный материал. На 187 стр. текста имеется 160 иллюстраций. Иллюстрации подобраны с большим пониманием и вкусом и являются органической частью учебника. Иллюстрации не только снабжены пояснительным текстом, но и само изложение учебного материала тесно связано с ними. Так, например, на стр. 62 воспроизводятся рельефы, изображающие земледельческие работы в Египте, и к ним на этой же странице дается объяснение изображений в тексте. Помимо фотографий с подлинных памятников прошлого, в третьем издании учебника включен художественный изобразительный материал из Берлинского исторического музея. Обилие наглядного материала помогает усвоению книги, способствует конкретности представлений. Учебник развивает умение разбираться в наглядном материале. В этом его большая методическая ценность. Книга хорошо продумана с точки зрения оформления текста. Заголовки в тексте и на полях, отмечающие подразделы глав учебника, помогают запоминанию материала. После каждой главы напечатаны жирным шрифтом краткие выводы. Во втором издании в конце каждого параграфа имелись вопросы для повторения, но в последнем издании авторы отказались от них.

В конце книги приложен список собственных имен в алфавитном порядке с указанием ударений и хронологическая таблица, составленная по синхронному принципу. В каждом разделе имеются схематические карты. Правда, по Греции и Риму их несколько недостаточно, но страны древнего Востока лучше обеспечены — для каждой из них имеется специальная схематическая карта.

В заключение следует еще раз отметить, что рецензируемый учебник обладает несомненными достоинствами и является этапом в разрешении сложной и трудной задачи создать учебник древней истории, отвечающий научно-методическим требованиям передовой демократической школы.

О. А. Ротберг

К 50-ЛЕТИЮ ИЗУЧЕНИЯ ИНЬСКИХ НАДПИСЕЙ В КИТАЕ

ХУ-ХОУ-СЮАНЬ, Каталог работ, изданных за 50 лет исследования надписей на черепаших панцирях и на костях, Шанхай Чжунхуа шупцзюй чубань, 1952; 273 стр., на китайском языке.

В 1949 г. китайская историческая наука отметила 50-летие научного исследования иньских надписей. В честь юбилея этой молодой отрасли исторической науки китайский историк Ху Хоу-сюань подготовил каталог исследований этих надписей¹.

¹ Ху Хоу-сюанем написаны еще две работы: «50 лет изучения надписей на черепаших панцирях и на костях», «Результаты пятидесятилетнего исследования надписей на черепаших панцирях и на костях», которые вскоре должны увидеть свет.

Эти древние китайские надписи имеют большое значение как исторический источник для изучения эпохи Шан-Инь (1766—1122 гг. до н. э.) и относятся к последнему периоду ее истории (с 1400 г. до н. э.). «Эпоха Шан, — как отмечает автор во введении, — является первым этапом достоверной истории Китая... В это время были заложены основы передававшейся из поколения в поколение культурной традиции. Разрешение загадок, которые таит в себе история той отдаленной эпохи, связано, таким образом, с глубоким пониманием величия новой эпохи в истории Китая» (стр. 21).

Каталог делится на пять частей: предисловие (стр. 5—23), тематический указатель работ (стр. 25—170), указатель работ по авторам (стр. 171—211), указатель работ по их названиям (стр. 212—242) и, наконец, указатель работ по годам их выхода в свет (стр. 243—273).

В тематическом указателе автор распределяет труды, посвященные исследованию иньских надписей, по следующим отделам: 1) публикации (50 работ); 2) каталоги и описания (54 работы); 3) расшифровки и объяснения (15 работ); 4) исследования (553 работы); 5) популярные работы (67 работ); 6) критические и полемические статьи (84 работы); 7) сборники (32 работы); 8) работы смешанного характера (21 работа).

Отдел исследований, включающий наибольшее количество трудов, делится на следующие части: 1) исследования об отдельных иероглифах (223 работы); 2) грамматика (25 работ); 3) классификация иероглифов (11 работ); 4) литература (2 работы); 5) история (21 работа); 6) география (24 работы); 7) исследования о ванах и ди (титулы иньских властителей. — В. Р. — 27 работ); 8) обряды и этикет (40 работ); 9) общество (44 работы); 10) хозяйство (24 работы); 11) культура (12 работ); 12) религия (9 работ); 13) обычаи и нравы (9 работ); 14) календарь (52 работы); 15) археология (30 работ). Всего в каталог входит 876 работ, из них книг 148, статей 728.

Очень интересно и ценно предисловие к каталогу. В нем Ху Хоу-сюань приводит данные об исследовании иньских надписей и характеризует значение их открытия в китайской археологии, рассказывает историю открытия этих надписей и дает оценку современному состоянию их изучения.

Согласно произведенным автором подсчетам, количество найденных за 50 лет костей и черепашьих щитов с надписями на них составляет 161 989 штук. Так как в среднем надписи содержат по 10 иероглифов, то в распоряжении исторической науки имеются 1 600 000—1 700 000 иероглифов. Появление всего лишь за 50 лет такого огромного количества новых исторических источников является огромным достижением китайской археологии.

Открытие древнейших китайских иероглифов — иньских надписей — позволяет разрешить вопросы, над которыми в течение тысячелетий бились китайские ученые. Около 2500 лет назад Конфуций жаловался на то, что у него недостаточно данных об обрядах иньской эпохи. Сейчас они известны ученым лучше, чем были известны ему.

Значение для исторической науки открытия и расшифровки этих надписей Ху Хоу-сюань считает равным открытию письменных китайских источников: древних канонических книг в начале I в. до н. э. и так называемых «Бамбуковых анналов», найденных в III в. н. э. Впрочем, из последних, даже если бы они не были утрачены потом, можно было бы получить сведения только о периоде Чжаньго (403—221 гг. до н. э.). Количество же надписей на глиняной, каменной, костяной и яшмовой утвари, на императорских печатях и печатях отдельных ванов и других властителей, на древних монетах, на бронзовых колоколах и зеркалах, на официальных мандатах и удостоверениях — невелико. На них встречаются лишь отдельные иероглифы, и они, как правило, относятся к более поздним периодам.

По количеству иньские надписи, как отмечает Ху Хоу-сюань, намного превосходят также надписи на бронзовых сосудах. Имеется около 10 тысяч бронзовых сосудов с надписями и без надписей, что по сравнению со 160 тысячами иньских надписей составляет небольшое число. К словам автора можно добавить, что существенным недостатком надписей на бронзовых сосудах является то, что большей частью

неизвестно место находок сосудов и они с трудом поддаются датировке. Однако надписи на бронзе имеют и значительные преимущества: объем отдельных надписей намного превосходит краткие надписи на черепашьих панцирях и костях (некоторые из них достигают 500 иероглифов), к тому же содержание их гораздо разнообразнее¹.

Ху Хоу-сяоань сообщает имена ученых, занимавшихся изучением надписей на костях, и число работ, написанных ими. В течение 50 лет в печати появилось 289 работ. Из них 230 китайских ученых, остальные—иностранцы. Из советских ученых Ху Хоу-сяоань отмечает заслугу молодого советского исследователя Бунакова, погибшего в дни Отечественной войны. Автором приведена специальная таблица, показывающая, какие ученые написали более 10 работ. Наибольшее число трудов по исследованию иньских надписей принадлежит историку Ян Шу-да (92 работы) и Ху Хоу-сяоаню—составителю каталога (54 работы), историку и археологу Дун Цзо-биню (42 работы), известному историку Ван Го-вэю (19 работ), президенту Китайской Академии наук Го Мо-жо (18 работ) и замечательному поэту, литературоведу и историку, убитому в 1945 г. гоминдановцами, Вэнь И-до (10 работ).

Затем Ху Хоу-сяоань дает таблицу, отражающую выход в свет исследований этих надписей в течение полувека со времени их открытия. Содержание этой таблицы резюмировано в весьма красноречивых итогах по десятилетиям. Оказывается, в 1-е десятилетие, закончившееся 1909 г., вышло 4 работы, во 2-е десятилетие — 41 работа, в 3-е — 95 работ, в 4-е — 371 работа, в 5-е десятилетие (1940—1949 гг.)—312 работ. Некоторое уменьшение числа трудов в последнее десятилетие объясняется тем, как отмечает автор, что многие ученые не могли в эти бурные годы продолжать научную работу, так как с оружием в руках сражались против японских агрессоров и гоминдановских реакционеров.

Ху Хоу-сяоань сообщает интересные сведения из истории открытия иньских надписей. Кости и черепашьи щиты с надписями в большом количестве извлекались из земли в период Чжаньго и при династиях Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Сун (960—1279 гг.). Но так как надписей никто не мог разобрать, то они подвергались уничтожению. За много веков таким образом погибло большое число ценных исторических источников. Начиная с XVII в., многие жители села Сяотунь, что под Аньяном в провинции Пинъюань, торговали лекарством, которое они называли костями дракона. Привозя «кости дракона» в Пекин, они продавали их там оптом и врозницу. «Костями дракона», истолченными в порошок, посыпали раны и язвы, чтобы остановить кровотечение. Применяли их и для лечения внутренних болезней. Эти «кости дракона» были костями и черепашьими щитами, использовавшимися знатными обитателями иньского дворца. В 1899 г. историк Ван И-жун, купив в Пекине в качестве лекарства «кости дракона», заметил, что на них есть надписи, и предположил, что это древнейшие китайские иероглифы. С этого момента и началось их изучение.

Перед новой областью исторической науки огромные перспективы. Внимание ученых было приковано до последнего времени к расшифровке отдельных иероглифов. Нельзя было двигаться дальше, пока не был пройден этот этап. Сейчас делаются лишь первые шаги в направлении использования иньских надписей для глубокого изучения истории и культуры эпохи Инь, для создания широкого исторического синтеза. Однако уже теперь без изучения этих надписей не может обойтись ни один серьезный исследователь, занимающийся этой эпохой. В китайской науке твердо установился взгляд, согласно которому ключ к познанию истории и культуры эпохи Инь лежит именно в этих древнейших надписях, а не в канонических книгах, создание которых, к тому же, по мнению некоторых современных китайских ученых, относится к гораздо более позднему времени, чем думали ранее². На тщательном изучении и интерпретации иньских надписей построены и те труды советских истори-

¹ См. Го Мо-жо, Ши пинань шу [10 критических работ], Шанхай, 1950, стр. 7.

² См., например, Го Мо-жо, ук. соч., стр. 2—4.

ков, в которых рассматриваются проблемы иньской эпохи¹. Без обращения к надписям эпохи Инь теперь уже немислимо разрешение проблемы генезиса экономических, политических и религиозных явлений, характерных для древнекитайского общества.

Останавливаясь на крупнейших успехах, достигнутых за 50 лет, автор в первую очередь отмечает заслуги Ван Го-вэя, сумевшего установить имена первых властителей эпохи Инь. Не менее велики достижения Дун Цзо-биня, доказавшего, что надписи развивались от грубых и примитивных форм к тонким и изящным. Если раньше было известно только, что надписи относятся к эпохе Инь, то благодаря исследованиям Дун Цзо-биня ученые оказались в состоянии почти каждую надпись отнести к периоду правления того или иного вана. Это резко подняло ценность иньских надписей как исторического источника. Были решены также некоторые проблемы, относящиеся к сельскому хозяйству, религии и социальному строю эпохи Инь². Но важнейший вопрос определения общественного строя эпохи Инь: родовой или рабовладельческий — вызывает ученые споры. Открытыми остаются и вопросы о том, отличался ли климат эпохи Инь от современного, и в каком направлении происходили упоминающиеся в источниках 13 переселений иньского племени: с востока на запад или с запада на восток. Ученые не пришли до сих пор к определенному выводу и по сложному и запутанному вопросу о способе исчисления времени в древности. Этот вопрос был поднят Дун Цзо-бином, и обсуждение его продолжается уже 20 лет. Очень мало известно до сих пор местоположение иньских городов и поселений. Не имеется ясного представления и о военном деле эпохи Инь.

В заключение автор выражает уверенность, что в новую эпоху китайской истории в условиях замечательного расцвета культуры и в этой молодой отрасли исторической науки будут достигнуты значительные успехи. «Старый Китай умер, родился новый Китай... Теперь, в новую эпоху, мы должны встать на новые позиции, выдвинуть новые точки зрения и разработать новые методы, чтобы поднять на высшую ступень исследование надписей на костях и черепаших панцирях».

В. Рубин

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В РАБОТАХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

Проблемы истории поздней Римской империи активно дебатуются в современной буржуазной историографии. В своем стремлении обосновать «незыблемость» устоев капитализма буржуазная наука пытается найти в далеком прошлом примеры, «подтверждающие» извечность социально-экономических отношений капиталистического общества. В частности, реакционные английские историки стремятся «доказать», что причины упадка Римской империи в период, предшествовавший доминату, крылись в ухудшении положения «буржуазии», вызванном развитием тенденций государственного социализма (state-socialist tendencies), «враждебных индивидуалистическим принципам экономической теории» (САН, гл. XII, стр. 254).

Но модернизация социально-экономических отношений античности не является единственным приемом фальсификации исторического процесса во имя интересов буржуазии. Этой цели служит также соответствующее толкование вопроса античной идеологии и, в частности, религии. Энгельс указывал, что в религии буржуазия открыла

¹ См. Л. И. Думан, Очерки по древней истории Китая, Ленинград, 1938 (литографированное издание); Т. В. Степугина, К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2.

² Подробнее об этом см. в вышеупомянутой статье Т. В. Степугиной, а также в рецензии В. Рубина на книгу Хоу Вай-лу «История древнекитайского общества», ВДИ, 1953, № 4.

«...средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними несповедимый промысл божий»¹. Поэтому буржуазная наука, в противоположность марксистской историографии, вскрывающей социальные корни идеологических течений и рассматривающей идеологическую борьбу как выражение борьбы классов, пытается свести процесс возникновения религиозных течений к творчеству «гениальных людей», трудившихся на «всеобщее благо», а идеологические столкновения представить просто как «борьбу идей». Реакционные историки идеализируют христианскую религию, представляя церковь в качестве «спасительницы мира».

Подобной постановкой проблемы отличалась уже «Кембриджская древняя история». Почти половина XII тома этого издания посвящена вопросам языческой и христианской идеологии. Авторы отдельных глав рассматривают эволюцию римского язычества (гл. XII), взаимоотношения языческой философии и христианской церкви (гл. XIII), взгляды церковных писателей западной и восточной частей империи (гл. XIV сл.), излагают содержание литературы и философии рассматриваемой эпохи (гл. XVII сл.) и, наконец, описывают «великое гонение» на христиан (гл. XIX).

Как свидетельствует уже перечень затрагиваемых авторами вопросов, развитие идеологии рассматривается вне связи с социально-экономической историей эпохи. Даже больше того, изменения в религиозных верованиях выдвигаются идеологами буржуазии в качестве определяющего фактора развития вообще. Так, автор XII главы Нокк считает, что изменения в религиозных идеях «меняют позицию самого человека» (стр. 448), а изменения в народных верованиях, заключавшиеся, по мнению автора, в распространении новых взглядов на культ императора, магии и синкретизма, обусловили трансформацию всей идеологической жизни в империи в период от Августа до Константина.

Идеологические течения рассматриваются в отрыве от их социальной основы. Попытки рассмотреть различия в идеологических течениях сводятся преимущественно к характеристике взглядов многочисленных идеологов из западной и восточной частей империи. При этом процесс идеологической и особенно религиозной эволюции сводится к постепенному проникновению в эллинский, а затем в римский мир восточных культов (стр. 409 сл.). Носителями восточных верований были рабы, купцы, чиновники и воины; в воззрениях всех этих групп населения автор не видит никакой разницы (стр. 433). Таким образом, религия представляется авторами САН как лишенная классовой основы и определяется как решающий фактор в развитии идеологии.

Какая же религия играла главную роль в процессе развития интеллектуальной жизни общества от Августа до Константина? Ответ на этот вопрос содержится в заключении, где говорится о перемещении центров идеологической жизни в Африку и Малую Азию и признается «величайшая заслуга» христианских писателей, трудами которых якобы «люди были подготовлены для культуры христианской империи» (стр. 705). Таким образом, христианство и церковь объявляются ведущими силами духовной жизни Римской империи, что облегчает реакционной буржуазии задачу представить религию, являющуюся орудием эксплуататоров, как общечеловеческую и надклассовую идеологию.

Авторам «Кембриджской истории» будто бы неизвестно, что христианство зародилось во второй половине I в. н. э. как религия униженных и угнетенных. Вместе с тем антиримская направленность протеста социальных низов была понятна многим из провинциальных рабовладельцев, тяготившихся римским господством, а выражение этого протеста в религиозной форме не угрожало их земному существованию. К тому же идеологические принципы нового учения соответствовали чувству всеобщей апатии и деморализации. Таким образом, с течением времени создавалась объективная возможность для изменения социального состава христианских общин, куда вошли различные прослойки провинциальных рабовладельцев; постепенно именно эти прослойки образовали в христианстве господствующее направление, получившее название орто-

¹ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, М., 1951, стр. 19 сл.